

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

МЕЛОМАНИЯ

Переживи заново

В Пермском театре оперы и балета состоялась мировая премьера оперы *Cantos*

ПАВЕЛ КАТАЕВ

Команда Пермской оперы заранее готовила публику к погружению в мир *Cantos*. В рамках «Лаборатории современного зрителя» состоялись встречи с композитором Алексеем Сюмаком, режиссёром Семёном Александровским, художником-постановщиком Ксенией Перетрухиной; мастер-классы с Теодором Курентзисом, лекции об Эзре Паунде... Впрочем, едва ли даже подготовленный зритель мог полностью предвидеть, что будет на премьере — столь тесный контакт, столь экстремальный художественный и даже экзистенциальный опыт.

ФОТО МАРИНА ДМИТРИЕВА

Значительных комментариев потребовала фигура Эзры Паунда: слишком мало его знают в России, и слишком много в его жизненном и творческом пути нуждалось в объяснении. Один из крупнейших американских поэтов XX века, которого Хемингуэй считал более достойным Нобелевской премии, чем самого себя, в период Второй мировой войны, проживая на территории Италии, встал на сторону фашистского режима Муссолини. Эта ошибка стала для Паунда роковой: его лишили американского гражданства, а после победы союзников заключили в тюрьму и приговорили к казни на электрическом стуле, которая была заменена на 12 лет принудительного лечения в психиатрической клинике. До конца жизни Паунд

был затворником, взял обет молчания. Раскаялся ли он? В «песне» «M'atouir, m'atouir...», выбранной в качестве эпиграфа и помещённой в рамку в фойе театра, есть строки:

*Пусть простят меня Боги
за свершённое мной.
Те, кого я любил, пусть
простят,
если смогут.*
(пер. Яна Пробштейна)

Cantos, «песни» Эзры Паунда, составившие магистральную линию в его литературном наследии, — модель нового эпоса для нового мира. Отсылки к китайской философии, древнегреческой мифологии, итальянской живописи эпохи Ренессанса объединены в серии

тягучего верлибра на нескольких языках. Такой конгломерат подошёл бы на роль интеллектуального гипертекста, который описывал Герман Гессе в романе «Игра в бисер». На что в реальности натолкнулись все модернистские попытки «новый мир построить»? Ответом послужит вся история XX века, написанная в том числе на граните бесчисленных воинских мемориалов.

Пермская постановка *Cantos*, ставшая мировой премьерой, обобщила исторические вопросы до категорий бытия и задала их зрителю напрямую. Композитор Алексей Сюмак создавал оперу по заказу Пермского театра оперы и балета, в тесном взаимодействии с остальными участниками творческой команды. Дирижёр Теодор Курентзис, скрипачка Ксения Гамарис, оркестр и хор MusicAeterna одновременно устранили дистанцию, которую предполагает их мастерство и статус. Как результат, сценическое, акустическое, а заодно коммуникативное пространство обнуляется — в нём становится возможным всё.

В день премьеры обычно уютно освещённый Театральный сквер погрузился во мрак. Гости проходили в камерный зал, устроенный прямо на сцене, через единственный вход, закрытый чёрным занавесом. За ним — коридор, ведущий на сцену и освещённый единственной тусклой лампочкой, указывающей направление. Здесь начинается переход в иное измерение.

Зритель попадает в Райский сад. Вокруг туман, повсюду видны сухие деревца. На каждом из них растёт лишь один плод — очевидно, именно тот, что привёл человека к первородному греху. Перед зрителями стоит длинный стол, напоминающий о композиции «Тайной

вечери». В этой ирреальной обстановке хочется хранить молчание.

В какой-то момент со стороны пустого партера звучит речь. Постепенно голосов, гипнотически озвучивающих разрозненные слова и строки на разных языках, становится всё больше. На сцену медленно поднимаются рабочие, евреи, крестьянки, медсёстры, немецкий солдат времён Первой мировой войны, британский солдат Второй мировой. Их одежда — призрачно-белого цвета. Плавно понижая вавилонский гомон до шёпота, герои подходят вплотную к зрителям — теперь мы сопричастны происходящему.

Появляется дирижёр и собирает голоса в хор, ещё не поющий, но уже дышащий, цокающий и мычащий согласно воле демиурга. Также отрывисто и потерянно, будучи пока не в силах осознать себя в древнем хаосе, возникает скрипка — внутренний голос одинокого художника. В какой-то момент герои подходят к деревьям, срывают плоды и кладут их на стол; опускается чёрный занавес, закрыв путь в Эдем. Круг Греха и Искупления замыкается, начинается земная история — старая ли, новая ли, но неизбежно цикличная.

Впоследствии народы срубят деревья и принесут их в жертву под нестройный вой барабанов, будут выбрасывать напористый речитатив и, лёжа на земле, скрипеть связками (в бесконечно далёких репетиционных залах эта техника называется штробас). Демиург будет подчинять себе малейшие штрихи смычки и движения голосов, но иногда будет оставаться в одиночестве. Скрипка пройдёт свой особый путь, в конце которого попытается самостоятельно и мучительно вытянуть мелодию из сухих пиццикато.

